

Бедарева Ирина Александровна

АЛТАЙ КАК ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ В РОМАНЕ С. П. ЗАЛЫГИНА "ТРОПЫ АЛТАЯ"

Статья посвящена исследованию романа С. П. Залыгина "Тропы Алтая". Автором прослеживается аналогия "Алтай - обетованная земля", где пространство Алтая в культурологическом аспекте получает семантику архетипического идеального места - рая. На образном уровне демонстрируется, какое влияние оказывает на героев пребывание на Алтае: во-первых, каждый обретает истинное лицо, снимает маску цивилизации; во-вторых, пространство "обетованной земли" способствует раскрытию природного начала; в-третьих, неоднократно подчеркиваются свойства Алтая, врачующие душу и тело; в-четвертых, являясь изначально "чужим" для каждого из героев, при близком знакомстве Алтай становится для многих "своим".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 10-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

Статья посвящена исследованию романа С. П. Залыгина «Тропы Алтая». Автором прослеживается аналогия «Алтай – обетованная земля», где пространство Алтая в культурологическом аспекте получает семантику архетипического идеального места – рая. На образном уровне демонстрируется, какое влияние оказывает на героев пребывание на Алтае: во-первых, каждый обретает истинное лицо, снимает маску цивилизации; во-вторых, пространство «обетованной земли» способствует раскрытию природного начала; в-третьих, неоднократно подчеркиваются свойства Алтая, врачующие душу и тело; в-четвертых, являясь изначально «чужим» для каждого из героев, при близком знакомстве Алтай становится для многих «своим».

Ключевые слова и фразы: С. Залыгин; Алтай; Беловодье; мифологема; художественное пространство; художественный образ; региональная литература.

Бедарева Ирина Александровна, к. филол. н.
Горно-Алтайский государственный университет
bediral@mail.ru

АЛТАЙ КАК ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ В РОМАНЕ С. П. ЗАЛЫГИНА «ТРОПЫ АЛТАЯ»

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта Российского гуманитарного научного фонда «Алтайский текст русской литературы» № 16-14-04001 а(р).

Творчество С. П. Залыгина на протяжении нескольких десятков лет вызывает интерес у многих исследователей: А. Ю. Большаковой, Е. Н. Бондаренко, И. А. Дедкова, Г. А. Колесниковой, Т. П. Шестиной и многих других [4; 5; 6; 8; 11]. В изучении творчества писателя можно выделить ряд направлений: биографическое, проблемно-тематическое, жанрово-стилевое. Роман С. П. Залыгина «Тропы Алтая» многими исследователями отнесен к научному жанру, и с этим вполне можно согласиться, так как в основе сюжета – «высокогорная, биологическая» экспедиция на Алтай.

Однако уже название романа «Тропы Алтая» и первая фраза вступления: «Давным-давно исхожены все тропы на обетованной земле», – настраивают не только на путешествие в научных целях. С первых строк и на протяжении всего романа прослеживается аналогия *Алтай – обетованная земля*. В данном случае считаем справедливым утверждение Т. Л. Рыбальченко о том, что пространство Алтая в культурологическом аспекте получает семантику архетипического идеального места – рая [10].

Во вступлении прослеживается вневременность этого локуса, время на Алтае остановилось, прошлое и будущее сошлись в одной точке:

«Так велика в путешествии жажда слышать и видеть, что мгновениями начинает казаться, будто горы, и леса, и реки, и дали были бы совсем-совсем другими без тебя.

И так проникаешься чувством вечности природы, что запросто можешь представить себе горные вершины, хребты, кряжи и бесконечные просторы за тысячи лет до тебя, на тысячи – после» [7, с. 33].

В романе можно отметить противопоставление пространства Алтая городу, сопровождающееся проявлением авторского отрицательного отношения к пространству вне Алтая. Подобное противопоставление мы встречали в цикле путевых очерков «Ойротия» русскоязычного писателя Горного Алтая П. Я. Гордиенко [3, с. 25-35]. В обоих случаях образ автора представлен человеком, пришедшим на Алтай, но и у Залыгина, и у Гордиенко описание пространства вне Алтая явно проигрывает пространству «обетованной земли».

Так, в начале романа автор изображает неудобные насыпи, пыль, откосы дороги, поросшие лебедой, на которые никто из членов экспедиции не обращает внимания, так как все это – привычные атрибуты всех городов. В финале романа Залыгин описал подъемные краны Бийска. Показательно то, что все участники завершившейся экспедиции обратили внимание на краны, которые раньше и не замечали. Таким образом, можно констатировать изменение в отношении героев к своему пространству: свое становится чужим, а чужое (Алтай) стало своим.

Симптоматично также стремление одного из членов экспедиции Рязанцева скорее попасть на Алтай, оказаться в пространстве, чуждом для него, незнакомом. Героя не пугает чужое, дикое, неизведанное, напротив, он стремится «вперед», желает «другого неба над головой», живет «впереди себя», его влечет синева гор, шум леса и горных потоков. Прошлое и настоящее прекращают существовать в сознании Рязанцева, «все для него стало будущим временем».

Река Катунь является неотъемлемой составляющей мифологемы Алтая, о чем свидетельствуют работы по исследованию русской литературы Горного Алтая [1; 2]. В романе Залыгина именно Катунь является первым

знаком приближения к «обетованной земле». После равнодушного перечисления встречающихся на пути экспедиции топонимов (Обь, Барнаул, Бийск, Сростки) бурлящая, стремительная и взволнованная Катунь врывается в пространство текста и в сознание Рязанцева, заставляя любоваться ею:

«Крутые, нестройно поющие волны и даже какая-то неопрятность реки: размываемый, тальниковый берег той стороны, ключья пены, мутные пятна в зеленой глубине – все было для него отрадным, и он безоговорочно отдал ей предпочтение перед Бией – та была и уютнее, и светлее: отстоялась в глубинах Телецкого озера, из которого брала исток свой. Та была быстрой, но быстрой размеренно и четкой в берегах своих. От нее нельзя было ждать каких-то перемен.

Катунь больше пришлась Рязанцеву по сердцу еще и потому, что она мчалась “оттуда” – оттуда, куда он так стремился, из его будущего, в котором он уже жил эти дни. Катунь еще больше взбудоражила его желание быть “там”» [7, с. 37].

Катунь в данном случае выполняет также функцию границы *чужого* для членов экспедиции пространства, к которому так стремится Рязанцев, и которое, возможно, станет *своим*. Она – река из будущего, того будущего, к которому стремится Рязанцев.

Примечательно, что в соседних абзацах текста дается небольшая характеристика двух рек – Оби и Катунь, но насколько равнодушно относится Рязанцев к первой и испытывает восторг при виде второй. Интересно в этом плане описание Катунь и Бии: возникает впечатление, что перед нами описание двух женщин, причем первая более привлекательна для героя, он отдает предпочтение именно ей, несмотря на «нестройность» и «неопрятность».

В романе есть упоминания и других рек (Еруслан, Волга, Большой Иргиз, Большой Каралан, Большой Узень, Куба и другие), но такого трепета, как перед Катунью, герой не испытывает ни перед какой другой рекой.

Пребывание на Алтае оказывает определенное влияние практически на всех членов экспедиции. Во-первых, каждый герой обретает истинное лицо, снимает маску, обретенную при жизни в цивилизации. Пространство «обетованной земли» способствует раскрытию природного начала каждого, кто сюда попадает. Во-вторых, неоднократно подчеркиваются свойства Алтая, врачующие душу и тело. В-третьих, являясь изначально «чужим» для каждого из героев, при близком знакомстве Алтай становится для многих «своим».

Так, смертельно больной Сеня Свиридов одержим мечтой поехать на Алтай, но его мечте так и не суждено было осуществиться. Единственное, о чем он сожалеет перед смертью, – «не успел побывать на Алтае».

Для Онеги Кореньковой пространство Алтая изначально было чужим, о чем свидетельствует первый выход в лес с целью сбора природного материала. Онежку пугают опасности, она ждет страшного случая. Этому сопутствует описание мрачной погоды, затрудненного пути. Восхождение могло бы окончиться трагично для героини: она чуть не сорвалась с отвесной скалы. Онежка закрыла глаза, протянула руки вперед и все-таки не упала. Случай на скале заставил героиню вспомнить самые значительные моменты жизни: окончание школы, окончание института.

Таким образом, пребывание на Алтае является начальной точкой отсчета новой жизни героини на «обетованной земле». После случая на скале происходит постепенное погружение Онежки в пространство Алтая, вплоть до полного слияния. Ведь именно этой героине предстояло остаться здесь навсегда, именно на Алтае прекратилась земная жизнь Онежки. Природа Алтая успокаивает физическую боль Онежки.

«Когда боли становились сильнее, Онежка уединялась, ложилась на спину и сквозь кроны деревьев глядела в небо – лучшее средство, которое она знала... Небо успокаивало своей необъятной мудростью, тишиной. Ласковое, тихое, оно что-то внушало, предупреждало о чем-то, и Онежке казалось, вот-вот она поймет – о чем» [Там же, с. 115-116].

Практически перед смертью Онежки происходит слияние героини с природой Алтая. Онежка «разделяла с природой ее настроение», «у нее был тайный сговор со всем окружающим ее горным миром», но и природа ждала чего-то с недоумением, спокойствием.

В сознании другого участника экспедиции Рязанцева Алтай пробуждает воспоминания о детстве, о дружбе с мальчиками на берегу реки Коргон. Река, будоража воспоминания героя, вновь играет роль границы между настоящим и прошлым, являясь точкой пересечения времен, что подчеркивает в очередной раз вневременность Алтая. Рязанцев признает, что полюбил Алтай еще в детстве, но осознал это лишь в зрелом возрасте, вновь оказавшись на Алтае. Для героя эта любовь – не только чувство, но и трепетная забота о будущем Алтая. Его беспокоит сохранность природных богатств. В сознании героя возникают многочисленные примеры пагубного воздействия достижений человека на природу разных стран Западной Сибири. Именно Рязанцеву принадлежит мысль о том, что человек создает в Горном Алтае «обетованную землю». Аналогия «Алтай – Рай» подчеркивается на уровне обозначения символики цвета: цветовая гамма Алтая представлена главным образом *светом*, который является, по А. Ф. Лосеву, первоисточником всего [9, с. 394].

«*Блестели* (здесь и далее выделение курсивом автора статьи. – И. Б.) камни на вершинах гор и по обеим сторонам дороги, *блестели* травы, *блестело* небо. Все *блестело*, как в доме Елены Семеновны, все на ее дом было похоже: небо – *прозрачной* синевой, вершины гор – темной, как бы начищенной медью, камни у дороги – *блеском* слюдяных крапинок...

И река тоже *блестела* зелеными, голубыми и еще какими-то необыкновенными красками. Она была глубока, *прозрачна*, ее краски как бы излучались пестрыми камнями со дна реки, так что казалось, словно там, в самой глубине, воды и вовсе нет, что вода течет и журчит лишь на поверхности, а глубже все русло заполнено плотным и ярким *светом*...» [7, с. 146-147].

Вода Алтая опьяняет Рязанцева, подобно молочным рекам сказочного Беловодья: «Рязанцев тоже нагнул-ся к ручью. Было что-то опьяняюще свежее в этой воде...» [Там же, с. 151].

Для Рязанцева и Вершинина, как и для Онежки, Алтай постепенно становится своим. Герои, погружаясь в природу Алтая, прозревают. Особенно показателен в этом плане эпизод описания камня, на который в течение нескольких дней никто из экспедиции не обращал внимания, не замечал его необычности. Но спустя некоторое время, познакомившись ближе с природой Алтая, герои приобретают способность всматриваться и замечать необычное вокруг. Так, Вершинина и Рязанцева удивило сходство камня со скифским грифом, с китайским драконом. Камень перешел из разряда обычных незаметных вещей в нечто, характеризующееся словами «странный», «неведомый», «фантастический».

Следует подчеркнуть, что Алтай для каждого из участников экспедиции тоже являлся чем-то странным, неведомым и фантастическим. Подобные определения достаточно часто встречаются в произведениях романтической литературы. Романтики не принимали этот мир, им была свойственна тяга к бесконечному. Они стремились к достижению абсолютного и безусловного идеала. Герои романа в какой-то степени тоже стремятся найти идеал внутреннего мира, находясь на «обетованной земле».

Именно через Рязанцева Залыгин репрезентирует Алтай как центр, передает важную мысль о том, что Алтай – это сердце Азии. Так, совершая полет над Катунью, Телецким озером, Чулышманом, Рязанцеву казалось, что он «видит всю Сибирь, чувствует Азию». Кроме того, описание Телецкого озера вновь подчеркивает необычность Алтая, связывая это место с Раем на земле. С одной стороны, подчеркивается замкнутость озера, с другой – бесконечность, способная вместить небо и землю:

«Озеро существовало в мире будто само по себе, от всего замкнутое, ничто не отражающее – только свою бездонную глубину...

И только спустя час, может быть больше, заметили, как небо почти в том самом направлении, в котором двигался вертолет, стало синеть, словно и там возникла густая, почти твердая вода озера... Сначала это все-таки была небесная синева, прозрачная и легкая, но уже вскоре она отяжелела и громадный кусок неба опустился под этой тяжестью вниз, придавил землю и, не вмещаясь на западе, стал раздвигаться и в стороны и вверх, приподнимая над собою голубой небосвод» [Там же, с. 384-385].

В завершение полета перед Рязанцевым открылась торжественная картина описания природы Алтая, он получил возможность узнать эту «обетованную землю». Все краски смешались, лес и небо соединились, скалы вывернулись наизнанку, появились «молочные реки». Ощущение полета над Алтаем не покидало героя долгое время. Уезжая с Алтая, Рязанцев осознал, что не сможет жить без этого прекрасного горного края.

Таким образом, в романе С. П. Залыгина Алтай осознается пространством, предназначенным для счастливой жизни в единении с природой, и имеет семантику райского места, куда стремятся герои произведения с целью обретения счастья и покоя.

Список источников

1. Бедарева И. А. Алтай, Катунь, Кара-Кол в литературном наследии Г. И. Чорос-Гуркина: от топонима к мифу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54): в 4-х ч. Ч. 2. С. 32-35.
2. Бедарева И. А. Базовые пространственные мифологемы в русской литературе Горного Алтая XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 20-22.
3. Бедарева И. А. Эволюция фольклорно-мифологической системы в русской литературе Горного Алтая: монография. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. 135 с.
4. Большакова А. Ю. Поэтика пространства в деревенской прозе: земля и космос С. Залыгина // Человек и природа в русской литературе (к 95-летию С. П. Залыгина): материалы международной научно-практической конференции. Мичуринск: МГПИ, 2008. С. 6-11.
5. Бондаренко Е. Н. Образ солнца как витальная основа всего существующего в романе С. П. Залыгина «Тропы Алтая» // Человек и природа в русской литературе (к 95-летию С. П. Залыгина): материалы международной научно-практической конференции. Мичуринск: МГПИ, 2008. С. 166-169.
6. Дедков И. А. Сергей Залыгин. Страницы жизни, страницы творчества. М.: Современник, 1985. 431 с.
7. Залыгин С. П. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 591 с.
8. Колесникова Г. А. Сергей Залыгин. Творческая биография. М.: Сов. писатель, 1969. 256 с.
9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
10. Рыбальченко Т. Л. Изменение семантики алтайского топоса в романах С. Залыгина // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы IV Международной научной конференции. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. С. 174-181.
11. Шастина Т. П. Алтай в художественном мире романа С. П. Залыгина «Тропы Алтая» // Человек и природа в русской литературе (к 95-летию С. П. Залыгина): материалы международной научно-практической конференции. Мичуринск: МГПИ, 2008. С. 208-210.

ALTAI AS THE PROMISED LAND IN S. P. ZALYGIN'S NOVEL "ALTAI PATHS"

Bedareva Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Gorno-Altai State University
bediral@mail.ru

The article is devoted to the study of the novel "Altai Paths" by S. P. Zalygin. The author traces the analogy "Altai as the Promised Land" where the Altai space receives the semantics of the archetypal ideal place – paradise in the culturological aspect. At the figurative level it is demonstrated how staying in Altai affects the characters: firstly, each person acquires the true face, removes the mask of civilization; secondly, the space of "the promised land" promotes the disclosure of the natural beginning; thirdly, the properties of Altai healing the soul and body are repeatedly emphasized; fourthly, Altai, being initially "strange" for each of the characters, with closer acquaintance becomes "their own" for many of them.

Key words and phrases: S. Zalygin; Altai; bedovod'e; mythologeme; artistic space; artistic image; regional literature.